40 Baky anest boyour per many varances.
My little auculus pasar no range is men instantion one in month of the continue. geran. wear ma Todobeum Breez- Avencangular eum Bragungutia Little and when and Threacon 556-23-10 allinun UNITALIANIMON !! (11 posts) syon we see pupe. regardely TERMINELL messences parocools, mules prejudica roe auto 4 mornorio Municipo a law not man lound un born. in spending those whois as 500 on These M. Cravapa Gyerna instancione X Egumestar larger VI. Terlemana m. Sgran Mounisia ybuerous were An interativement

Joseph.

Олег Векленко

ЧЕРНОБЫЛЬ: этюды с натуры

Искренняя благодарность Астрид Зам, Любови Негатиной, Виктории Науменко за активное участие в подготовке и издании этой книги

Олег Векленко

ЧЕРНОБЫЛЬ: этюды с натуры

Харьков «Точка» 2017 УДК 76.03/09 ББК 85.16 В 26 Издание осуществлено при поддержке Международного образовательного центра в Дортмунде (IBB) к 5-й годовщине Чернобыльской исторической мастерской

Олег Векленко

В 26 Чернобыль: этюды с натуры : Художественная документалистика \ О.А. Векленко. – Харьков : «Точка», 2017. – 140 с. : илл. ISBN 978-617-669-212-6

Книга воспоминаний участника ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, художника, профессора Харьковской государственной академии дизайна и искусств Олега Векленко о его личных ощущениях, пережитых в период пребывания в Чернобыле в мае-июне 1986 года. Неприукрашенные истории тяжелых будней написаны живым языком и дополнены авторскими рисунками и фотографиями.

Книга спогадів учасника ліквідації наслідків аварії на Чорнобильській АЕС, художника, професора Харківської державної академії дизайну і мистецтв Олега Векленка про його особисті відчуття пережиті в період перебування в Чорнобилі в травні-червні 1986 року. Неприкрашені історії важких буднів написані живою мовою і доповнені авторськими малюнками та фотографіями.

УДК 76.03/09 ББК 85.16

- © О.А. Векленко, текст, 2016
- © О.А. Векленко, рисунки, фото, 1986
- © О.А. Векленко, верстка, дизайн, 2017

Вместо предисловия

Так случилось, что накануне знаковой чернобыльской даты меня неожиданно пригласили присоединиться к делегации, отправлявшейся в паломническую поездку в связи с 30-летием чернобыльской катастрофы в Рим, на встречу с Папой Франциском. В первый момент я не воспринял это всерьез и начал думать: «А как же занятия, студенты...» Но мне показали красноречивый жест – пальцем у виска покрутили: «Ты что, сумасшедший, миллионы людей стремятся попасть на площадь Св. Петра и хоть издали увидеть Папу! Редкая возможность, а ты еще раздумываешь?» И я очнулся от суеты: такое дается раз в жизни!

Поехал. Побывал. Услышал обращение и призыв к миллиардам людей – помнить о Чернобыле, не забывать Украину. Возвратился в восторженном настроении. Вспоминая поездку в мельчайших деталях, часто думал: «под крылом» этого человека 4 миллиарда людей и миллион проблем, а он вспомнил о чернобыльцах, об Украине, призвал всячески помогать нам, принял нашу делегацию, благословил, запросто сфотографировался с нами...

26 апреля, как заведено у харьковских чернобыльцев, пришел к памятнику в Молодежном парке на месте бывшего кладбища. Постоял в сторонке. Странно, 30 лет прошло, а люди отмечают НАЧАЛО трагедии — и как память о тех, кто погиб, и как праздник встречи еще живых. А когда же мы отметим ее ОКОНЧАНИЕ, «победу над мирным атомом»?

Народу много, погода неважная — накрапывал дождик, выступающие произносили дежурные речи о былых подвигах, о памяти и всем таком. Из тех, с кем был в Чернобыле, увидел двоих (больше встречалось знакомых лиц по чернобыльской больнице). Постояли, перекинулись парой ничего не значащих фраз. Надо бы выпить водки, но желания не было. Грустно, тоскливо... Попрощался и ушел домой. За целый день хоть бы кто позвонил, вспомнил...

ISBN 978-617-669-212-6

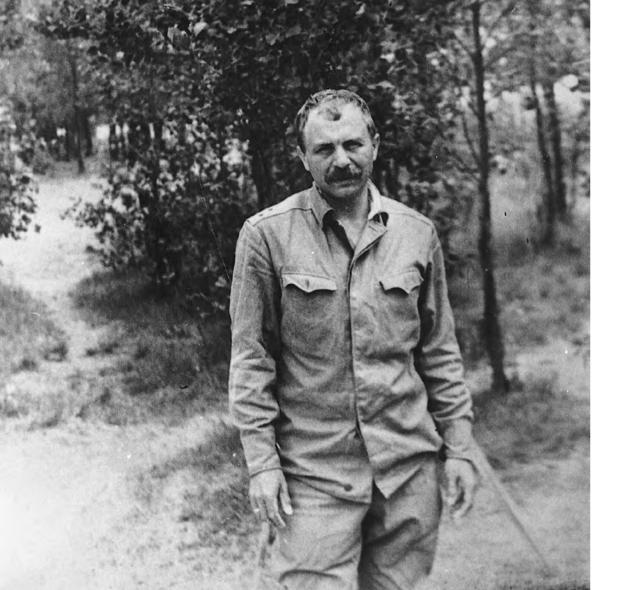
Они спасали Европу!

Каждый день езжу в метро и иногда попадаю в «чернобыльский вагон», обклеенный вместо рекламы картинками в виде фотомонтажей из снимков, сделанных в Чернобыле 30 лет назад. Патетические подписи типа «Они спасали Европу!» сделаны наискось, каллиграфическим «декором» по замыслу авторов проекта и исполнителей (и где они таких беспомощных дизайнеров находят?) и должны вызывать чувство сострадания и гордости за наших героических парней. Но мое сердце, увы, не наполняется соответствующими чувствами по отношению к себе и побратимам-чернобыльцам, скорее наоборот...

Почему-то подавляющее большинство наших людей, особенно сами чернобыльцы, в порыве неизгладимых воспоминаний видят только одну светлую и прекрасную сторону: СПАСАЛИ!

И никто уже не помнит, что сначала героически строили, затем торжественно запустили, а потом, чуть ли не в подарок к светлому празднику международной солидарности всех трудящихся, МЫ эту же самую Европу, извините, загадили... (и себе, между прочим, досталось неслабо). А той же Европе — «один черт»: виноват тот, кто устроил этот кошмар, — тот самый спасатель мира, «великий и могучий советский народ, строитель светлого будущего, надежда всего человечества».

А еще меня бесит, когда снисходительно (или агрессивно, в зависимости от ситуации) заявляют: «Я там был!». Ну и что, многие там побывали. Кто по несколько месяцев, а кто и на пару часов — засветиться, удостоверение ликвидатора получить вместе со льготами... Важно то, ЧТО ТЫ ТАМ СДЕЛАЛ!

Призыв

Меня часто спрашивают, удивляясь, – а как ты попал туда, в Чернобыль? Ты же, вроде, художник, преподаватель Худпрома был тогда... Все очень просто: 1986 год, 29 апреля, пришел домой поздно, часов в 9 вечера. Жена вышла куда-то (как потом выяснилось, была у подруги). На кухонном столе странная повестка из военкомата: «Явиться срочно... иметь при себе ...» и т. д.

Оказалось, не в военкомат, а совсем рядом, в школу. Решил быстренько сбегать — «поужинаю потом». Ложку и кружку, как значилось в предписании, не взял — несерьезно как-то. Паспорт, военный билет — и через 15 минут на месте. В школе непривычно людно. Встретили вежливо, а дальше все произошло очень быстро: тут же отправили

в школьный спортзал – здесь «примерочная», записали рост, размер одежды, обуви, обмерили голову и отвели в класс.

Там уже человек 20 таких же, растерянных, ничего не понимающих парней сидят за партами. Я оглянулся, спросил у стоявшего в дверях: «Что это? Куда? Надолго?» А он почему-то шепотом: «В Чернобыль, сборы, на полгода, говорят». Первая мысль: как же домой сообщить? И на работу? Телефон-автомат в коридоре. У кого-то «стрельнул» 2 копейки, выпустили на минутку, позвонил коллеге, попросил жене сообщить и подменить меня на дежурстве в студенческом общежитии на майские праздники (с этим тогда строго было).

Через полчаса вывели нас на школьный двор, посадили в автобус ПАЗик и повезли по ночным улицам куда-то за город. Через какое-то время остановились. Я выглянул в окно и увидел на обочине шоссе бесконечную колонну автобусов, теряющуюся в темноте. Нас повели в лесок, рядом с дорогой. Там уже было полно народу. Молодые хлопцы и мужики постарше уныло бродили между сосен, кучками грелись у костров, тихо переговаривались. Кто-то

уже был переодет в военную форму, кто-то еще нет.

Не помню уже, как наткнулся на притороченную к сосне табличку с надписью: «Политотдел». За ней вход в землянку. Втиснулся, показал военный билет и услышал радостный возглас: «Вот и начальник клуба! Теперь полный комплект!» Выдали обмундирование, переоделся, свою одежду сложил

в вещмешок и побрел искать, где бы поесть.

Солдатскую кухню обнаружил на поляне (пожалел насчет ложки и кружки), приспособил для чая и каши только что выданный солдатский котелок... ну, в общем, нормально. Задремать на корточках, привалившись к сосне, удалось ненадолго — на рассвете начались построения, переклички, совсем другая

жизнь, которую еще вчера было бы и представить невозможно.

Днем снова построения, куда-то шли, неровно ступая по кочкам, кого-то ждали, сидя на траве, долго разбирались, кто на чем будет ехать, грузились — высаживались, и вот, наконец, команда: «По машинам!» Я влез в свой

передвижной клуб с единственным желанием — спать. Снаружи еще что-то происходило, но мне уже было все равно. Наконец колонна БРДМов, АРСов, штабных и прочих авто двинулась на Запад в сторону Киева, растянувшись гигантской неповоротливой змеей на несколько километров.

Дорога

Как офицер – старший лейтенант (!), да еще и начальник передвижного клуба, я ехал в своем фургончике ГАЗ-66. Звание и должность получил уже после того, как отслужил в армии рядовым. Высшее образование, да еще и художественное, а кто там в армии разбираться будет: художник – значит в клуб! И приписали к полку химической и радиационной защиты («химполк» по-простому). Вот потому и попал по «тревоге» с первой волной мобилизированных в Чернобыль.

У меня в подчинении значились водитель, прапорщик Гриша Стругерян, исполнявший в полку обязанности начальника клуба, веселый и хитрый молдаванин (он-то и был в первое время

моим наставником по «клубному делу»), и мальчишка-киномеханик – мечтательный солдатик срочной службы.

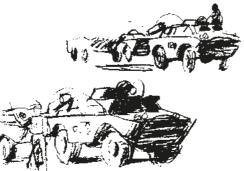
В клубный фургон подсели еще пару крепких прапорщиков, нашлась бутылка водки, что-то из закуски и... пошел разговор о странной, незнакомой мне армейской жизни. Я, выпив протянутую мне порцию, забился в угол, тщетно пытаясь уснуть на откидной лавке среди сложенных друг на друга ящиков, непонятных приборов и вещмешков.

О самой дороге воспоминания смутные. Где-то за Полтавой огромная колонна остановилась на заправку. Вдоль шоссе уже были развернуты шланги, и за считанные минуты пустые баки машин были заполнены. Оказывается, на трассе всегда были в готовности стратегические склады ГСМ.

Помню вечернюю грозу и проливной дождь на закате, гонку по ночной трассе и раннее утро уже в Киеве. Врезались в память тревожные взгляды киевлян, стоящих в очереди с бидончиками у бочки с молоком. Могу только представить, что они думали, видя бесконечный поток ревущих непонятных военных машин. Почему-то запомнился

Живописное место на берегу реки Уж, где первоначально планировалось расположить лагерь.

самолет, низко кружащий над Киевским морем, вдоль которого мы ехали в Чернобыль, закрытые полиэтиленом колодцы в селах, шеренга писающих мужиков-военных длиной в пару километров вдоль дороги во время короткой остановки за Иванковом.

Ближе к вечеру, уже под Чернобылем, на берегу небольшой речушки съехали с трассы и начали разгружаться. Ни с того ни с сего поднялся жесткий холодный ветер, вновь команда: «По машинам!». Сброшенные на землю ящики, матрасы и прочее хозяйство опять загружали обратно. Шум, крики, рев двигателей нескольких сотен машин — все смешалось, сознание отключалось, восприятие реальности, как в тумане.

Потом, много позже, я узнал причину передислокации: ветер дул со стороны ЧАЭС, и уровень радиации в этом месте начал резко подниматься. Командование решило разбить лагерь чуть подальше.

Отъехав назад километров 10-15, колонна свернула в сторону на обширную лужайку рядом с шоссе, обрамленную редкими деревцами. Темнело. Снова разгрузка, оборудование и установка

палаток (большинство их в ту ночь так и не удалось натянуть), беготня и полная «непонятка».

Последнее, что запомнилось в этот день, – холодный, пронизывающий шинельку насквозь, ветер, остывающая каша в котелке и треск мелкого песка на зубах. Страшная усталость. Мысли путаются, спать... Скорее всего, это было второе мая 1986 года. Шли шестые сутки после случившегося.

Лагерь

Как-то в разговоре с моими друзьями-чернобыльцами (уже после возвращения оттуда) я услышал чье-то странное замечание: если бы какой-то вражеский диверсант захотел навредить как можно больше и специально выбирал место для стоянки 3 тысяч человек и автопарка тяжелых боевых машин бригады «химзащиты», он выбрал бы именно то место под селом Ораное, где мы и разбили наш лагерь тревожной майской ночью 1986 года.

Солдатские сапоги и жесткие протекторы военных авто вмиг снесли тонкий слой нежной майской травы, покрывавший обширную поляну. Пыль, мелкий песочек, обычный для украинского Полесья, тут же поднялись в воздух, выдуваемые жестким ветром

как раз со стороны станции. Треск на зубах, постоянно воспаленные глаза — естественное состояние первых дней жизни в лагере. Да и вся последующая палаточная жизнь, так или иначе, прошла в бесполезной борьбе с этим песчано-пыльным врагом.

И как назло, ветер почти всегда дул то со станции, то с противоположной стороны, где располагался автопарк. Его территория почти вплотную примыкала к палаткам. Отсюда не только неслись клубы пыли, но также постоянно доносился рев движущейся техники. Уходили на задание в зону, возвращались тяжелые БРДМы, огромные КРАЗы, ИМРы, АРСы, юркие «бобики» и прочая военно-техническая «живность».

У меня было свое место в палатке, но удобнее жилось в кинобудке собственного ГАЗ-66, стоявшего немного стороне – все же спокойнее. Правда, чтобы попасть в длинное, дощатое строение наспех сколоченного солдатского туалета, надо было пройти (или пробежать – в зависимости от степени нужды) через весь палаточный городок по узеньким тропинкам, протоптанным между палаток. Через весь лагерь

были проложены дорожки и побольше. Их, во избежание пыли (основного разносчика радиации), позже попытались засыпать гравием. Немного помогло, но ненадолго.

В первой половине мая часто случались ночные заморозки. Шинелька и тонкое одеяло не спасали. Но по утрам больше всего меня доставала замерзшая в умывальниках вода и, вследствие этого, полная невозможность чистить зубы.

В лагере, кроме штабных, командирских и обычных солдатских палаток, были палатки «оружпарка» (прихватили с собой целый склад оружия, наверное, на случай диверсий, а то и войны — «а мало ли...», но через некоторое время чего-то недосчитались и, от греха подальше, все увезли обратно в часть), медпункта, солдатской и офицерской столовых, прочих служб.

В центре палаточного городка, на высоком столбе был установлен громкого-

воритель, вещавший гимн Советского Союза с моей подачи – каждое утро, строго в 6.00. Однажды я проспал. Будить меня примчался перепуганный дневальный из штаба от начальника политотдела. Ничего, обошлось...

Кто-то делал на столбе зарубки, отмечая каждый день пребывания в этом легендарном месте. Такой себе, очень человечный артефакт. Каждый раз, проходя мимо, испытывал желание посчитать увеличивавшиеся столби-

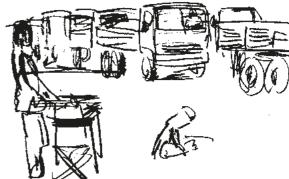
Наших соседей из батальйона обслуживания к разрушенному блоку не посылали. Но их работа была не менее опасной — они стирали загрязненную радиацией одежду, в которой другие работали на станции.

ки зарубок. До сих пор жалею, что не сфотографировал их тогда – остерегался бдительных контрразведчиков. В лагере на «особистов» легче было нарваться, чем на станции. Объясняй потом, что, зачем и почему.

По шоссе, в метрах пятидесяти от крайнего ряда палаток, постоянно, особенно в первые дни, в обе стороны двигались грузовики, автобусы, наполненные людьми, домашним скарбом — сплошной гул и днем и ночью. Особенно поражали стада коров, овец, прочей живности, которую эвакуировали из зараженной радиацией зоны. Их несколько суток гнали в пыли и грязи вдоль дороги мимо нашего лагеря.

Меня в тот момент преследовало какое-то странное ощущение, будто гигантский тектонический сдвиг происходит прямо на глазах. Колоссальный масштаб всего этого никак не укладывался в сознании.

Радиация

У меня сразу ассоциация возникает с собачкой, бегавшей по нашему лагерю. Радиация – так её назвали. Позже появился симпатичный щенок по имени Рентген. И еще Доза была. И чья-то неудачная шутка по поводу той же радиации – маленький поросенок в респираторе, испуганно метавшийся по улицам Чернобыля.

А если серьезно — об этом явлении до известных событий я, как и большинство попавших сюда по мобилизации «партизан», знали что-то на уровне учебника физики для 8 класса. В один из первых дней в лагере незнакомый майор, наверное, из Киева проверяющий (их много тогда приезжало на короткое время покрасоваться и покомандовать в зоне) ходил между

палаток с респиратором «Лепестком» на шее и бодро учил нас жизни в лагере: «Чувствуете ветер со станции, р-р-раз, респиратор на нос-рот – и все нормально!». Только у нас не было тогда «лепестков», а заполучить даже армейский поролоновый респиратор удавалось только тем, кто на задание выезжал.

Да что в лагере, в 30 км от реактора, если прямо на станции, рядом с разрушенным «блоком», люди выходили из зданий покурить на «свежий воздух». Естественно, респиратор снимали, если что-то надо было обговорить здесь же, во время работы: обсудить задание, отдать приказ, да мало ли... Плюс жара, пот, заливающий глаза, постоянное внутреннее напряжение от сознания, что рядом в любой момент может произойти что-то запредельное.

О дозе, которую получил за день, узнаешь вечером, когда возвратишься в лагерь и отдашь проверить свой накопитель. Я обычно к поясу его пристегивал, но встречались и такие, у кого накопитель к сапогам был приспособлен, поближе к земле. Помогало ли это быстрее набрать положенную норму, не знаю.

Никто, кроме радиационной разведки, более или менее точными данными не обладал, а те не особо распространялись - «военная тайна». На уровне доверительных междусобойчиков мы знали, что в «рыжем лесу» встречаются пятна в 40-50 рентген, на станции под стенкой разрушенного реактора и на 200 можно было наткнуться, ну, а над «жерлом» - все 3 000 рентген светились. Больше представить себе было невозможно. А измерить нашими ДП-5 и подавно. Пару лет назад я наткнулся на информацию о том, что максимальный уровень радиации, зафиксированный на Чернобыльской АЭС после аварии, был 20 000 (двадцать тысяч) рентген...

Нормальный природный фон, в котором мы живем, — 10-13 микрорентген (1 микрорентген — миллионная доля рентгена), а тогда, в мае 86-го, фон на станции был порядка 20 миллирентген (1 миллирентген — тысячная доля рентгена). Может быть, это покажется не так и много, но все-таки: 20 миллирентген — в 2 000 раз (две тысячи!!!) выше обычного природного фона. А бывало, и до 60 миллирентген уровни в воздухе поднимались. Вот сейчас, при мысли

об этом, мне страшно. А тогда: жив, руки-ноги в порядке – и слава Богу...

А вот мнение профессионала – цитата из книги «Живы, пока нас помнят», – воспоминания ведущих специалистов Курчатовского института об их работе в Чернобыле, собранные моим другом, Александром Купным. Он же издал книгу небольшим тиражом к 25-летию Чернобыльской катастрофы.

Боровой Александр Александрович, научный руководитель Оперативной группы Курчатовского института в Чернобыле:

«Находясь на блоке, я постоянно сталкивался с непрофессионализмом. Тяжелое впечатление оставляли работающие военнослужащие, особенно молодые солдаты, присланные в Чернобыль со всех концов страны. Бросив даже беглый взгляд на криво одетые, не прилегающие к лицу, часто совершенно мокрые, респираторы, можно было прийти в ужас. А выйдя из развалин блока, ребята думали, что находятся вне всякой опасности, снимали маски, курили, пили воду, что-то жевали».

Инструктаж разведки – попробуйте поставить задачу и внятно объясниться через респиратор... А майор должен был это делать, находясь в сотне метров от разрушенного реактора. Между прочим, поролоновый респиратор быстро накапливал радиоактивную пыль и начинал «фонить», но в отличие от марлевых «лепестков», его нельзя было выбросить через 2 часа. Это войсковое имущество, которое выдавалось на определенное время, оно числилось за тобой, и ты обязан был сдать его старшине. Я вначале неделю с таким ездил, пока марлевые не начали выдавать.

Противорадиационная защита

Однажды в Чернобыле, на территории «Сельхозтехники», где также базировались подразделения из 25-й бригады, после рабочей смены я возился возле своего ГАЗ-66, собираясь уезжать в лагерь, уже не помню, по каким делам меня туда занесло.

И тут невольно оказываюсь свидетелем разговора «партизана-ликвидатора» (как мне показалось, из Казахстана) со своей женой по телефону-автомату. Из Чернобыля в мае можно было позвонить бесплатно в любой город страны. По-видимому, она спрашивала о защите от радиации, а как раз в то время в центральных газетах прошла информация, что королева Великобритании передала на ЧАЭС несколько специальных костюмов,

защищающих от радиоактивного излучения. Связь была неважная, и бедный солдатик орал в трубку по пять раз одно и то же: как здесь все хорошо — и кормят прекрасно, и защита от радиации вполне нормальная... Я только усмехнулся про себя.

Из противорадиационной защиты в начале мая на станции (не в лагере) можно было раздобыть марлевый респиратор «Лепесток» — застиранную тысячу раз, но все еще белую куртку из плотной х/б ткани, такие же белые штаны, брезентовые рукавицы, редко комбинезон... и то, если повезет.

А защита этой одежды заключалась в том, что «фонящие» пыль и грязь на белой ткани были заметны. Естествен-

но, участки облучения на теле можно было сразу определить и принять меры. В нашей ситуации — спуститься в подвал АБК-1 (административно-бытового корпуса), помыться в душе и поменять костюм. Естественно, только после смены.

В лагере у прапорщика «под роспись» выезжающим на работы в зоне можно было получить: респираторы, капюшоны на голову, чем-то похожие на «буденовки», зеленые плотные рубахи и штаны, пропитанные какой-то едкой химией. Это скорее от бактерицидного или химического заражения. На месте соприкосновения с кожей от такой одежды зуд и сыпь. Тело чесалось несколько дней. Я думаю, все, что залежалось на военных складах с 60-х годов, вытащили и отправили сюда.

Серьезные «респираторы» появились у нас в лагере только в июне... по большей части, чтобы сфотографироваться. На станции в это время я никого не встречал с таким приспособлением от радиоактивной пыли.

Бравый майор Колесник — чистые воротнички, грудь нараспашку... он умудрялся и «Лепесток» надевать также лихо, как и камуфляжную фуражку.

Работа

Я задумался... о чем написать? Ничего такого, тяжелая мужская работа - как землю копать. Да, собственно, так оно и было. Особенно вначале. Ни дня ни ночи – все смешалось. Тем не менее, неосознанное, но достаточно четкое ощущение того, что от твоих действий зависит и твоя жизнь, держало всех в «тонусе». Мобилизованный в одночасье народ, еще не остывший от «гражданки», верил в мудрость командиров и старался четко выполнять приказы. Если кто чего не понимал или не знал - учился на ходу, размышлять было некогда. БРДМы разведки, сразу же по приезду, почти без передышки, разъехались по «точкам» на замеры уровней радиации, часть людей послали организовывать ПуСО (пункты санитарной обработки техники) в самой зоне и на выездах из нее.

Неизвестность давила на сознание. Только после 9 мая пришло облегчение – волной прокатилось известие: взрыва не будет.

Все это в одночасье навалилось на выдернутых из налаженной повседневной жизни людей. Только что переодетые в защитное х/б, они, часто без замены и еды по несколько суток, мыли едкими химическими растворами машины, выезжающие из зоны заражения, снимали поверхностный слой земли не только на территории станции, но вокруг домов и на центральной площади Припяти, грузили зараженный грунт в контейнеры и увозили «хоронить» в могильниках где-то неподалеку. Без особой пользы поливали из брандспойтов пожарных машин стены припятских многоэтажек, пытаясь смыть с них радиоактивную пыль и тем самым уменьшить уровни радиации. Увы, через пару дней все возвращалось «на круги своя».

В первые недели многих водителей-бульдозеристов бросили обваловывать реки на случай дождей, позже в ближних к станции селах «утюжили» хаты, сверх всяких уровней зараженные радиацией, рушили и зарывали ИМРами (инженерные машины разграждения) «рыжий лес», строили дорогу на станцию в объезд Чернобыля.

А на самой станции закладывали бетонными плитами территорию внутреннего двора (эти плиты хоть можно было время от времени поливать водой, смывая пыль и уменьшая ее количество в воздухе).

А еще эти люди, подчиняясь чьему-то приказу, прямо напротив развала реактора строили никому не нужные заборы, таскали радиоактивные обломки вместо бульдозеров-роботов, «умиравших» от невероятных уровней радиации... В общем, делали то, что казалось начальству важным и необходимым в данный конкретный момент.

Вряд ли кто из командовавших задумывался тогда о разумности тех или иных приказов, о рисках для жизни и здоровья подчиненных – НАДО И ВСЁ!

Здесь пожарные не борются с огнем, они заливают раствором, похожим на клей ПВА, землю, чтобы пыль не поднималась в воздух. Уровни радиации зашкаливали и поэтому работу надо было делать очень быстро.

Второй план на нижнем снимке — лес, по которому прошелся «язык» радиоактивных осадков. Хвоя сосен стала желтеть (тот самый «рыжий лес»). Его валили вот такими машинами и засыпали землей.

«Ликвидаторы» вручную, заполняют радиоактивной землей металлические контейнеры, а затем загружают их в машину, чтобы увезти на могильник и захоронить. ЗЕМЛЮ ЗАХОРОНИТЬ В ЗЕМЛЕ... – Хармс отдыхает.

Дезактивация таких машин после нескольких поездок в места высоких уровней заражения становилась бесполезной — в металлических деталях возникала «наведенная» радиация и они «светили» изнутри.

На территории станции в мае можно было видеть несметное количество разноо-бразной техники, которая очень часто не выдерживала жесткого режима работы, глохла, ломалась. Самой действенной в этой ситуации рабочей силой оставался человек.

Вот это и есть та самая «героическая» работа. Только прибавлять надо небольшую поправочку — радиоактивный фон здесь выше природного в 2-4 тысячи раз.

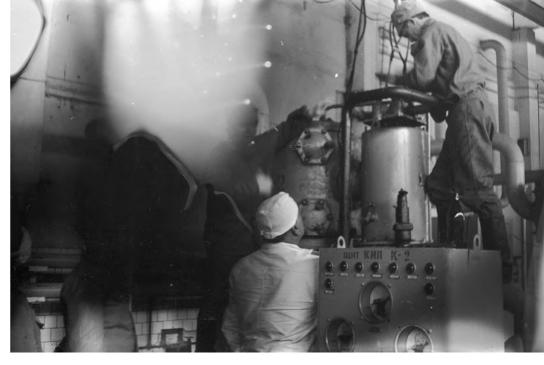
На центральной площади Припяти видны кучки срезанного и приготовленного для вывоза поверхностного слоя грунта. Возле многоэтажек у подъездов и во дворах можно было увидеть то же самое. Все делалось вручную, лопатами.

Место, где расплавленный графит прожег крышу машинного зала. Как раз эту крышу тушили пожарные. Они первыми получили смертельные дозы радиации.

Агрегаты станции в машинном зале мыли обычным стиральным порошком «СМС». Затем все закрывали полиэтиленовой пленкой – думали, что через пару месяцев можно будет станцию запустить вновь. Сейчас, наверное, никто и не вспомнит как, расшифровывается название порошка, а с этим буквосочетанием совсем другие ассоциации связаны.

Идеологическая поддержка

Мне повезло с командиром. В 25-й бригаде я подчинялся только начальнику политотдела, а он — спокойный, подтянутый, уже в летах подполковник как-то по-отечески берёг меня. Лишний раз не посылал в опасные места, не отчитывал, если я что-то не успевал сделать или ошибался.

Но конечно же не хватало рук и свободных авто, а раз мой клуб – ГАЗ-66, мирно стоит на полянке в стороне от палаток – значит в любой момент может быть на подхвате. Поэтому наряду с культурной миссией приходилось выполнять и другие работы: подвозить своим мобильным клубом ужины в термосах-бидонах оставшимся на ночь на станции солдатам, раздобывать везде, где придется, всевозможные материа-

лы для жизни в лагере (от краски до досок), колесить по разным местам в «зоне», где на «точках» сидели по несколько суток связисты, дозиметристы, наладчики каких-то непонятных приборов. Надо было передать им почту, а еще важнее пообщаться, поддержать. Ну а ездить за фильмами в Иванков и Киев, показывать кино в лагере или Чернобыльской «Сельхозтехнике», где тоже на ночь оставались люди из 25-й бригады, — это само собой.

Позже, когда все стало более-менее понятным, каждый офицер политотдела, и я в том числе, должны были ездить на ЧАЭС с подразделениями для «моральной и идеологической поддержки личного состава». Из ЦК комсомола Украины в политотдел нашей 25-й бригады привезли целый яшик комсомольских знаков отличия с удостоверениями, которые надо было вручать прямо на станции, «на поле боя» особо отличившимся в выполнении заданий «ликвидаторам». Жмешь руку, цепляешь значок на «грязную» в радиоактивной пыли защитную робу, тут же, безо всяких формальностей и оркестров... Смешно - вроде «побрякушка», - а человека так пробирало,

слезы на глазах: «Родина не забыла!».

Я, сформировавшийся в достаточно свободной среде художников в годы брежневского застоя, со значительной долей скепсиса и недоверия воспринимал окружающую действительность и поступки людей. И вдруг передо мной раскрылось столько искренних, очень мотивированных и бесстрашных бойцов. Они делали опасную «черную работу» не за деньги. Тогда, особенно в первую волну, обычный советский человек о деньгах еще не думал — он страну спасал, Европу, мир! В Чернобыле я снова поверил в людей.

Чернобыльский отдых и радиационная гигиена

Отдых в Чернобыле – понятие относительное. Нашел тихий закуток – и расслабься, а по возможности спи. Сидя, стоя, лёжа – как придется. Важно, чтобы место чистое было. «Чистое» – это тоже относительное понятие. Можно ли представить себе релакс в помещении, где радиационный фон в 10 раз меньше, чем на открытом воздухе, но в 200 раз выше обычного (природного)?

В мае в здании АБК-1 висело объявление, написанное хоть и по-простецки, тушью, плакатными перьями, но с элементами дизайна, акцентами и выделениями отдельных слов: «Товарищи, излучение в здании в 10 раз меньше, чем на открытой территории! Отдыхай-

те в здании! Штаб». Всем, кто проходил мимо, оно попадало на глаза. Я отважился «щелкнуть» на память этот образец наивного дизайна. Сейчас смотрю и думаю: читали его почти все, но мало кто отсиживался в здании даже после выполнения работ и получения своей суточной дозы.

Мне приходилось видеть, как отдельные «экземпляры» в июне ухитрялись раздетыми до пояса загорать и ловить рыбу на берегу отводного канала. А в здании правильно отдыхала «наука». Хотя стекла в окнах — это не защита (со временем их занавесили своеобразными шторами — тонкими пластинами

свинца, раскатанными из рулончиков). В подвале АБК-1 («бункере») места для «отдыха» были оборудованы капитальнее — темные, душные закутки плотно заставлены двухэтажными койками. Здесь приходили в себя остававшиеся на ночь смены.

Увы, нам никто не вдолбил тогда в наши бесшабашные головы, что показатели радиоактивного фона на открытой территории станции, — это не просто цифры, которые в тысячи раз превышали нормальные природные уровни, — это реальная угроза здоровью и жизни. Мне до сих пор самому мало верится в такие огромные цифры. И мы как-то спокойно воспринимали это. Хотя, что говорить о миллирентгенах, если люди в то время работали в местах, где «светили» тысячи рентген...

Теперь-то я понимаю ужас специалистов-ученых, когда они видят расстегнутые вороты гимнастерок и кое-как надетые респираторы у молодых солдат на моих фотографиях. Но тогда о понятии «радиационная гигиена» мы не слышали. А ведь оказывается, существуют даже инструкции, как

штаны снимать, чтобы сходить в туалет в условиях высокой радиации. Мне об этом не так давно рассказала Наталья Мансурова, специалист в области дозиметрии, долгое время проработавшая в Челябинске, на закрытом предприятии «Арзамас-16» и не раз бывавшая в командировках в Чернобыле.

Вот еще цитата из книги Александра Купного «Живы, пока нас помнят» -Голубев Игорь Евгеньевич, научный сотрудник Курчатовского института: «У меня была четкая схема смены спецодежды. С утра ехал на блок в том, в чем приехал накануне. Получал чистый комплект, оставлял его в шкафчике и шел работать. Когда шел на обед, все, в чем работал, выкидывал, принимал душ, надевал все чистое, новое и шел в столовую на АБК-1. После обеда получал новый комплект одежды, оставлял его в шкафчике, вечером после работы получал ещё комплект и ехал в нем в Чернобыль, в местную больницу, где жили курчатовцы. Здесь опять переодевался во всё чистое, белое. Вся спецодежда была новой». Нам бы так жить...

Я помню, как в один из первых дней нашего пребывания здесь, уже под вечер, подняли по тревоге и срочно вызвали на станцию взвод. Ребят привезли уже затемно, они искали, тыкались в разные места... Кто вызвал? Что делать? Куда идти? Не нашли. Прилегли кучками на клумбу возле входа в АБК-1 и там, никому не нужные, скоротали ночь вповалку. Вернулись в лагерь утром, голодные, злые, завалились в палатках, в тех же шинелях спать. У кого-то хватило мозгов включить ДП-5... и как он зашкалил — можно только себе представить.

Все, что было радиоактивного с момента взрыва, накопилось в земле на клумбах и в роскошных розах. Впоследствии все клумбы были срыты. Землю вывезли в могильник, площадку перед зданием АБК-1 забетонировали полностью. Такая вот радиационная гигиена в сочетании с «оздоровительным» отдыхом случалась в Чернобыле.

Чернобыльский забор

Как-то готовил презентацию о Чернобыльской катастрофе и, пересматривая свои снимки «оттуда», обратил внимание на странную деталь, которую не замечал раньше. Где-то в середине мая «начпо» (начальник политотдела) захватил меня с собой на станцию. Тогда я старался побыстрее «щелкнуть» разрушенный реактор и просто не увидел странное ограждение, что-то вроде забора, как раз напротив разлома. Только сейчас, внимательно разглядев фотографию, я был обескуражен и потрясен этим самым забором, наглядно и очень точно показывающим то, что на самом деле происходило в Чернобыле. Не надо никакого Шерлока Холмса, чтобы разгадать эту незатейливую картинку.

Это самая что ни на есть правильная метафора «героической ликвидации последствий аварии», своеобразная запись в бетоне или, если хотите, ПА-МЯТНИК отношения к «человеческому материалу», монумент бдительности и готовности «дать достойный отпор проискам врага» и т. д.

Перед моими глазами было довольно странное сооружение: слева от начала снимка шли бетонные плиты, неожиданно пробитые в одном месте, как будто охваченный паникой БРДМ или бульдозер ломился через эту дыру. Продолжали забор еще две похожие плиты впритык, а затем бетонные конструкции совершенно иного происхождения.

Дальше – пару десятков метров наскоро набросанных бетонных блоков. Потом снова плиты. И вдруг все обрывается – гуляй спокойно. В общем, совершенно очевидно – выполняя чей-то приказ, люди в спешке хватали «шо попало», ставили, выкладывали, судорожно пытались равнять, потом неожиданно все бросили и ушли. Но самое интересное, когда я увеличил фото, – глазам не поверил: по верху всей этой конструкции была аккуратно натянута в несколько рядов колючая проволока!

Как так случилось? Ведь я ходил мимо этого «забора» и ни разу даже мысль не закралась — зачем? Зачем вообще это бессмысленное сооружение? От кого закрывались? Какой любопытный «шпион» туда, через «колючку», рискнул бы полезть? На уровни в 300 и больше рентген? А ведь эту «китайскую стену» строили люди! Много людей. Практически голыми руками. Защита — только респиратор, рукавицы да рабочая роба. И кто-то же отдавал приказ... Чем он думал?

Я всмотрелся внимательнее. Внизу, под проломом реакторного здания, где местами «светило» порядка 1 000 рентген, может, и больше, вплотную к разрушенной стене, её радиоактивные обломки подпирал... еще один «забор» из металлических щитов. И вот сейчас, мне, прошедшему Чернобыль «по полной программе», становится жутковато...

Если хочешь быть отцом...

Я медленно соображаю, и просветление от увиденного однажды может прийти потом, через довольно длительное время. Так, однажды в мае, на площадке внутренней территории станции, где в это время наши ребята закладывали бетонными плитами все пространство, я увидел странное поведение человека в белом комбинезоне, в белых полотняных ботинках на толстой подошве. темных очках и с коллекцией «накопителей-карандашей» во внешнем нагрудном кармане. Обычно так аккуратно были одеты ученые. Он спокойно шел по бетонной плите, а доходя до её края, неожиданно быстро перепрыгивал узкий зазор между плитами и спокойно шел дальше.

Время от времени я вспоминал эту ситуацию, пока, наконец, не дошло: в зазор между плитами, из земли вверх «стрелял» поток радиоактивного излучения. А грубоватую чернобыльскую частушку-совет: «Если хочешь быть отцом – яйца прикрывай свинцом», человек в белой куртке усвоил, я думаю, гораздо раньше нас, «партизан».

Вот до сих пор не пойму, почему такие незначительные на первый взгляд детали из чернобыльской жизни въедались в память навсегда.

Уроки «начмеда»

Рассказывать о Чернобыле — неблагодарное занятие, чуть увлекся, сразу заносит в пафос, пытаешься уйти от пафоса — жалостливые нотки начинают пробиваться, вроде бы просишь милостыню... Я, конечно, стараюсь быть объективным и последовательным, насколько это возможно, поэтому больше стараюсь показывать и комментировать свои фотографии. Особенно когда выступаю перед какой-нибудь аудиторией.

Обычно у слушателей много вопросов. Вопросы разные: о том, как и почему там оказался, как ощущал радиацию, как удалось снять столько фотографий — ведь запрещали, о самом сильном впечатлении, о том, как жили, чем питались. Но самый частый

вопрос о самочувствии и здоровье – чем болел, как с головой, сексом, какие операции перенес и непременно вопрос об онкологии. А бывает, и совсем откровенно: почему еще живой?

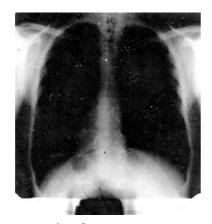
Я не знаю, как отвечать на такие вопросы. Палатка медчасти в лагере выполняла больше декоративную роль, потому что наш санитар, кроме каких-то таблеток (что-то вроде анальгина) или микстуры от кашля, предложить ничего не мог. На самой станции в АБК-1 на тарелках, расставленных в разных местах помещения, кучками лежали таблетки йодистого калия, которые можно было тут же употреблять для профилактики. Не знаю, насколько это было эффективно тогда, но до сих пор не выношу терпкого привкуса йода. Еще один случай был, когда приехало несколько автобусов с медиками и скопом у всех, кого нашли в лагере в то время, взяли кровь из пальца на анализ.

Больше ничего, связанного с медициной в Чернобыле, вспомнить не могу. Разве что спонтанное медпросвещение запомнилась... Это когда однажды в мае, мы (несколько таких же, как и я, офицеров-партизан) набились в попут-

ный «уазик» к «начмеду», собравшемуся ехать на станцию.

Полковник оказался веселым и разговорчивым дядькой. Почувствовав расположение старшего офицера, мы набросились на него с разными медицинскими вопросами по поводу радиации. А он отвечал в свойственной медикам шутливой, раскованной манере, и я запомнил его рассказ, который почти дословно могу процитировать и сегодня: «Ребята, сказал он, – если сейчас вы не «залетите» и отделаетесь легким испугом, попав по возвращению в больницу на реабилитацию, считайте, вам очень сильно повезло. Если через 5-7 лет ничего серьезного с вами не произойдет – это удача! Через 10-15 лет с вами все может быть, и тут уже трудно установить, в чем причина. Да, доза облучения, но и образ жизни, и возраст, и генетика могут влиять на ваше здоровье. Ну а пройдет 20 лет и вы, конечно же, умрете..., - тут он помолчал, сделал театральную паузу, а затем коротко добавил, - ...но не от этого!». И довольный своей шуткой, рассмеялся, глядя на наши вытянувшиеся физиономии.

В конце июня настиг меня ужасный

кашель (вообще-то все легко простужались в мае-июне из-за холодных ночей и жары днем. Все время в плотной гимнастерке, пот - ручьем, чуть расстегнулся – ветерок, и получай...) Отправили меня в Киев, в госпиталь, провериться. Белые халаты, чистота... такое удивительное ощущение, как будто на другой планете. Сделали флюографию (никто, правда, этот добавочный 1 рентген в карточку доз облучения не внес), врач глянул, послушал меня и сказал: «Не сачкуй, лейтенант, возвращайся в зону. Здоров! А кашель пройдет». С тем я и вернулся. Но кашель еще долго мучил. Вот и справочка, подтверждающая этот случай из моей чернобыльской биографии, каким-то чудом сбереглась.

Как мне пришлось узнать и испытать на себе гораздо позже, «не от этого» — весьма распространенная присказка среди врачей, особенно хирургов. Уже 30 лет прошло, а я все надеюсь: умру «не от этого».

«Мурашки по коже»

Пишу эти заметки и ловлю себя на мысли – зачем? Я ведь не люблю делиться воспоминаниями о Чернобыле. Во-первых, потому что, все «не то»... так, осколки, отдельные эпизодики, целостной картинки не складывается. А во-вторых, и самое главное, свои реальные ощущения передать невозможно.

Маленький пример: останавливает меня как-то в лагере журналист из киевского военного ведомства, просит съездить с ним и нарисовать портрет чернобыльского героя для «Боевого листка»: «Все договорено, тебя отпустят». «Ну сфотографируйте, – говорю, – в чем проблема?» «Нет! – отвечает он мне. – Живой рисунок будет лучше выглядеть, вот увидишь».

Садимся в «бобик», едем где-то недалеко в сельскую школу. Там развернут полевой госпиталь. Солнечное утро, тишина, ярко-зеленая травка, одуванчики кругом, сад отцветает, осыпается снегом лепестков - красота бешеная... Во дворе на спортплощадке как попало стоят раскладушки. На них, кто раскинувшись, кто ничком, кто свернувшись «калачиком», лежат ребята. Подходим к нашему герою – валяется зеленый, лицом вниз. Его тошнит, время от времени он рвет тут же на травку возле раскладушки. Невыносимый запах блевотины поднимается над этим чудным великолепием.

Я понял, почему рисунок лучше... Но как можно передать то, что ты чувствуешь в этот момент? Ведь никому не хочется вспоминать такое о себе. Всем нужен подвиг. Одним рассказать, другим услышать. А подвиг — вот он, со стойким запахом человеческой блевотины.

Только гений, наверное, сможет донести правду, как Светлана Алексиевич. Когда открыл ее «Чернобыльскую молитву», с первых строк ощущение оно, то самое... и «мурашки по коже».

Сеансы рисования в Чернобыле

Открываю старый затрёпанный блокнот, смотрю на записи, наброски, рисунки, сделанные в мае-июне 1986 года в Чернобыле и, кажется, могу даже по часам восстановить любой из 60 дней, проведённых там.

В тот период жизни я строго придерживался жестких правил: рисование и бег — ежедневно. Попав в Чернобыль, я старался сохранить эту практику. С бегом не получалось, а вот рисовать не прекращал ни на день. Блокнотик и огрызок карандаша всегда были при мне. А вокруг столько незабываемых типажей и характеров!

Несмотря на невероянную усталость, тревожное состояние и непрестанную борьбу со сном, почти ежедневно, улучив какую-то минуту, я вытаскивал свои нехитрые принадлежности и что-нибудь зарисовывал. Возможно, это было подсознательной психологической разгрузкой. Когда рисуешь, увлекаешься, на какое-то время забываешься, и стрессовое состояние уходит на второй план.

Окружающие, заметив мое странное занятие, тут же начинали просить нарисовать «что-нибудь на память», чаще портрет - «жене пошлю, вот удивится!». Обычно почти сразу за моей спиной собиралось несколько человек. Вначале все тихо наблюдали. как на бумаге появляются глаза, рот, уши, а дальше возникала дискуссия, иногда переходившая в жаркий спор: «похож – не похож». В этой ситуации продолжать сеанс не имело смысла, и я старался быстро закончить рисунок. Счастливый обладатель портрета, как правило, в первый момент не идентифицировал себя с нарисованным, но суровые зрители, только что жестоко спорившие между собой, все разом тут же начинали убеждать его в обратном: «Похож, точная копия!».

Вспоминаю, как увидев непонятное собрание, к нам подошел незнакомый подполковник.

Споры тут же прекратились, а я напрягся – сейчас будет разгон. Но командир, начальственно оглядев собравшихся, вдруг тоже заинтересовался процессом рисования. Вначале он замер и какое-то время молча смотрел на проявляющиеся из-под карандаша части лица.

По мере того, как нарисованное становилось похожим на сидящего передо мной солдата, подполковник начал все больше и больше вовлекаться в происходящее. Переминаясь с ноги на ногу, он сплевывал слюну, возбужденно оглядывался вокруг, как бы желая поделиться с окружающими чувствами, которые его переполняли, часто, негромко и радостно приговаривая при этом: «Ох ёпт... ох ёпт...».

Возможно, это была его первая встреча с «искусством» (ведь тогда еще не было рисовальщиков в парках и метро, а художественные музеи военные не очень-то посещают). Такой удивительной, искренней реакции на процесс творчества ни до, ни после «чернобыля» мне видеть не приходилось.

Правда

В один из первых «чернобыльских» дней меня послали в Киев за фильмами. На обратном пути удалось заскочить в мастерские Академии художеств и разжиться у кого-то несколькими кусочками сангины да парочкой угольных карандашей. Это было настоящее богатство.

А бумага у меня была — обнаружил целую пачку больших листов в каком-то загашнике в клубе. Вероятно, она предназначалась для использования в качестве скатертей на столах вместо традиционного зеленого сукна. С одной стороны листы были окрашены в зеленый цвет. Обратная сторона

Снимок А. Назаренко, опубликованный в «Правде» 30 мая 1986 г.

была серого цвета с теплым оттенком и, хотя не выдерживала соприкосновения с резинкой, хорошо подходила для рисунков мягкими материалами. И тут у меня возникло неудержимое желание рисовать по-настоящему ...

Я раздобыл кусок фанеры, сколотил из подручных материалов самодельный мольберт и тут же на поляне обустроил себе «творческую мастерскую». «Начпо», непосредственный начальник, увидев мои художнические упражнения, быстро оценил ситуацию и сказал: «Сделаем Доску почета, поставим возле штабной палатки на входе в лагерь, а ты портреты для нее будешь рисовать. Такого ни в одной части нет! Я прикажу замполитам батальонов — будут к тебе героев каждый день приводить».

Вот так моя личная, почти подпольная деятельность была легализирована и обращена в общественно полезную. Теперь правило – «рисунок каждый день» становилось системой. И хотя это не освобождало меня от выполнения непосредственных обязанностей начальника клуба, но создавало дополнительный стимул не таясь заниматься любимым делом.

Лагерь часто посещали военные корреспонденты из Киева. На станции раздобыть подходящий материал было непросто – все в работе, не до интервью. Да и на фото снять, в отличие от «ударных строек коммунизма», практически нечего – разрушенный реактор, солдаты с лопатами в респираторах - никакого пафоса. Вот они и рыскали по лагерю, черпая реальные факты из развешанных возле командирских палаток «Боевых листков» и стенгазет. А иногда просто срывали с досок и забирали с собой эти бесценные листочки, написанные корявым почерком, на коленках, в полутемной палатке и наивно разрисованные цветными

карандашами. Такие наглые действия разных «спецкоров» вызывали ненависть и непечатные вопли батальонных замполитов.

Где-то в 20-х числах мая в сопровождении двух офицеров заехал в лагерь фотокорреспондент «Правды» - центральной партийной газеты Советского Союза. Увидев профессионально сделанные портреты на «Доске почета» и узнав, что они нарисованы прямо здесь, он удивился и попросил познакомить его поближе с автором, т.е. со мной. В тот момент я оказался у своего клуба. Поговорили, показал ему еще несколько работ, и «фотокор» тут же, на полянке под деревьями, достал свой шикарный японский «Canon» и отработал фотосессию. «Отличный будет материал, - сказал он, - у всего мира тревога и страх, а тут художник рисует себе спокойно».

В ежедневной суете я забыл об этом эпизоде, но снимок и статья были опубликованы где-то через неделю (газета «Правда» за 29 мая 1986 г.)
И тут началось такое...

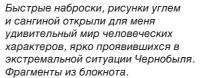

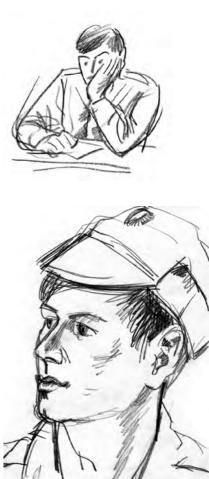

Легкое занятие

Статья в «Правде» наделала шороху среди моих многочисленных родственников и друзей, разбросанных по всему Советскому Союзу от Владивостока до Бреста. Они с удивлением узнали, где я и чем занимаюсь. У родителей — шок, обморок... Но и гордость за сыночка: как же, на улицах Лубён, города моего детства и юности, им не давали проходу, расспрашивая обо мне. А что они знали... только то, что писали в газетах и показывали по телевидению.

Публикация в центральной газете СССР сняла «табу» с темы «художник в Чернобыле». Оказывается, можно! И буквально на следующий день в лагере оказалось республиканское телевидение, коррепонденты из газет «Правда Украины», «Красная Звезда», «Комсо-

мольское знамя», каких-то журналов... Все пытались разузнать, выпытать нечто уникальное, сфотографировать в процессе, на фоне и без... А я после нескольких подобных встреч быстро утратил пафос и понял: надо бежать из лагеря на станцию, в зону, куда угодно, потому как спокойной жизни больше не будет. Но настоящий ужас и стыд испытал позже, когда пытался читать «свои интервью» напечатанными. С тех пор у меня к журналистам предвзятое отношение. Теперь рисовать портреты приходилось по вечерам, когда точно знаешь – никого сюда не занесет. Или где-нибудь на выезде.

Случались разные ситуации. Однажды меня вызвали в штаб, в Дитятки, со всеми рисовальными принадлежностями. Я подумал – лозунги, может, понадобилось срочно написать или секретные карты для начальства раскрасить. Но майор Колесник, главный комсомолец войсковых подразделений зоны, четко разъяснил: «Будешь рисовать генерала Тараканова. Но пока он занят, нарисуешь кого-нибудь еще. Вот я тебе сейчас приведу нашу телеграфистку, Анжелу». И притаскивает через несколько минут крошечную

девушку в военной форме.

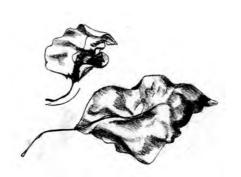
Я удивился — откуда такое малое здесь взялось?... Но виду не подал, выбрал место, чуть поодаль, чтобы никто не мешал, и мы начали сеанс. Постепенно разговорил ее. Оказалось, из семьи военных, хотела в Афган попасть — не пустили. И теперь вот сюда напросилась. Час от часу не легче! Я уже привык ничему не удивляться, но тут меня пробрало: вот у кого интервью надо брать и печатать в газетах!

Спустя немного времени, важно подошел генерал со своим помощником, майором. Вначале он спросил, являюсь ли я членом Союза художников СССР или УССР, и услышав про СХ СССР, успокоился. Николай Дмитриевич не знал, что другой организации тогда не существовало. Потом он спросил о времени: «Минут 20 Вам хватит?» И тут я почувствовал себя командиром и нагло запросил полтора часа. Тараканов не соглашался: «Час, не больше». Пришлось сконцентрироваться.

А дальше было кино: два солдатика притащили столик и стул, прибежал связист, разматывая на ходу катушку проводов, и водрузил на столе телефон. Генерал сел за столик, открыл какую-то

папку и стал читать донесения, изредка о чем-то спрашивая майора. А тот, стоя за спиной Тараканова, обмахивал его своей папкой, отгоняя мух и комаров. От этой картинки меня разбирал смех, но задачу надо было выполнять во что бы то ни стало. Несколько раз пришлось просить генерала поднять голову и смотреть вдаль.

Наконец, портрет был закончен. Я вложился в отведенное время, но не раз облился потом и так устал от напряжения, будто вскопал десять соток. А говорят, рисование — легкое занятие.

Портреты на фоне радиации

Вот странно, именно в Чернобыле, в обстановке абсолютно непригодной для «высокого искусства», в какой-то момент я почувствовал себя важной персоной, снискав уважение окружающих не офицерскими погонами или невероятными подвигами, а, казалось бы, бесполезным занятием. Именно здесь, в этой агрессивной, жесткой среде, в постоянном напряжении я, лет 10 уже находившийся в потоке реальной художественной практики, будучи членом СХ, наконец ощутил себя ХУДОЖНИКОМ. Может быть, впервые в жизни почувствовал свою востребованность именно в такой роли. И хотя это занятие быстро превратилось в обязанность и даже приобрело некий идеологический ореол, оно не утратило для меня своей привлекательности.

Сам процесс рисования и рисунки стали средством общения, узнавания людей. Неважно, кто это был: «водила» КРАЗа, генерал или молоденький связист на станции в «бункере», вылезающий один раз в сутки наверх подышать «свежим воздухом», рядовой пожарный или девушка-связистка — то были личности, которые по-настоящему проявились в экстремальной ситуации.

Во время сеанса рисования на короткое время человек отвлекался от суеты и окружавшего нас кошмара, погружался в свои мысли и воспоминания. Пытаясь как-то раскрыть характер и не дать ему заснуть, я старался ненавязчиво расспрашивать о чём-то

очень личном, светлом. Глаза теплели, уходило напряжение и скованность. Но на портретах мои натурщики все равно выглядели старше своих лет. Думаю, причиной тому невероятная усталость, проступавшая на лицах и во взглядах помимо их желаний.

Прошло 30 лет. Мне уже 65, и я понимаю, что никогда уже не смогу сделать ничего более искреннего, тёплого, чем эти рисунки углём и сангиной на пожелтевших листах дешёвой бумаги с надписями по краям:

ст. серж. Мирко М. Г., 29.05.96; ст. л-т Колосков К. А., 26.05.86; прапорщик Слесарев С. С., 20.05.86... Я не Господь Бог, и вряд ли эти портреты придали моим прилежным натурщикам сил и здоровья, могу только молиться, чтобы судьба не отвора-

чивалась от них.

Запомните эти лица

Как-то в июне неожиданно возле моего передвижного клуба возникли две странные фигуры: один – крепкий, плотный парень в очках, в какой-то застиранной, рваной гимнастерке, явно на два размера меньше – рукава до локтей, штаны не застегиваются в поясе. Другой – полная противоположность, маленький, шустрый, с фотоаппаратом на шее, в потрепанной, слегка великоватой черной робе. Развевающуюся пышную шевелюру, не характерную для здешних обитателей, слегка прикрывал нахлобученный как попало странный чепец.

Увидев меня, они обрадовались, представились журналистами из Харькова. Мне было не до них, но земляки все же, куда дешешься — надо уделить

время. Так я познакомился с Романом Гнатышиным и Юрием Ворошиловым. Роман вручил мне маленький пакетик - передачку из Союза художников. Это сотрудницы Правления СХ решили сделать мне подарок (в то время я был ответственным секретарем Харьковской организации). Узнав о поездке журналистов, девушки метнулись по мастерским и выклянчили несколько итальянских угольных карандашей, французскую сангину, «Ретушь», KOH-I-NOORовские резинки и какие-то необыкновенные импортные кнопки. Художники 80-х поймут мое счастье. Я растаял.

Роман тут же оседлал верхом скамейку, усадил меня напротив и стал допрашивать. А Юрий усидеть на месте не мог ни секунды. Он куда-то исчезал, вновь появлялся, разочарованно сокрушался, не увидев здесь, в лагере, достойных сюжетов для героических снимков. Время от времени перебивал Романа, пытаясь тащить меня в Иванков рисовать кого-то из харьковских пожарных (и таки утащил, но позже, в другой свой приезд).

Я настороженно относился к журналистам, которые роем накинулись на

меня после публикации в «Правде» и писали при этом небылицы. Хорошо, что газеты и разные молодежные журнальчики мало кто из моих знакомых читал. Но Рома был обстоятельным, серьезным журналистом и не велся на дешёвые сенсации.

Впоследствии мы крепко задружились и через год проехали на велосипедах всю Прибалтику.

Он был заведующим отдела публицистики в Харьковском перестроечном журнале «Прапор». Крепкий, здоровый парень, неоднократный чемпион Союза по велотуризму, настоящий патриот Украины... трагически погиб. Случайно, глупо...

Ниже привожу короткую, немного пафосную, но честную статью, которую Роман написал тогда о нашей встрече в Чернобыле.

«В те июньские дни в Чернобыле я долго не мог понять, что происходит с людьми, которые занимались там тяжёлой и опасной работой. Внешне всё было понятно: люди собранные, сосредоточенные, суровые, не слышно громкого смеха, да и беззаботных улыбок не увидишь на лицах.

Но что за этими внешними приметами? Ответ оказался простой и недвусмысленный. Всё объяснил старый московский учёный, бывший фронтовик. "Понимаешь, сынок, здесь всё, как на войне. Только не грохочут взрывы да не падает, подрезанный автоматной очередью, твой лучший друг".

Если всмотреться в лица людей на портретах Олега Векленко, без труда можно разглядеть постоянное присутствие опасности, почувствовать, какой отпечаток на настроение людей накладывает незримый, но не менее грозный от этого радиоактивный фон. Это отпечаток не страха и не испуга.

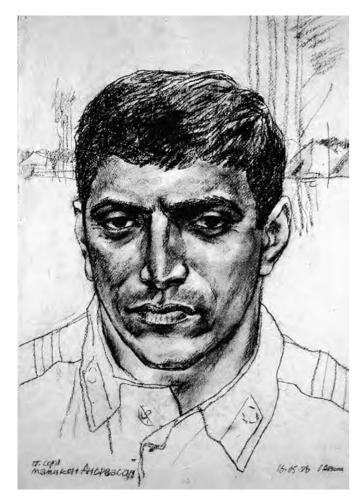
Даже тот, кто до Чернобыля, возможно, и не подозревал о своей силе, вдруг обнаружил, что может бороться и победить. А те, кто и раньше были неробкого десятка, проявляли себя поистине мужественными и сильными людьми.

Харьковчанин, старший лейтенант Александр Колесников, в Чернобыль прибыл добровольцем. Возглавлял подразделение, проводившее дезактивацию третьего энергоблока АЭС. Работал самоотверженно, подавал личный пример подчинённым. Старший сержант Мамикон Андреасян проявил смелость и отвагу на строительстве могильника для радиоактивных отходов. Лейтенант Александр Юрков неоднократно возглавлял подразделения, работающие на АЭС, словом и делом поддерживал ребят. Кадровый

военный, капитан Владимир Мамыкин, одним из первых повёл колонны машин на работу в зоне повышенной радиации, бесстрашно трудился на дезактивации четвёртого блока станции.

Что стоит за этими лаконичными, как строки боевого донесения, словами? Вглядитесь в лица этих МУЖЧИН.

На портретах, которые создавались, как правило, во время работы и после возвращения с боевых заданий, можно увидеть и чёрточки усталости... Но намного выразительнее в них сила духа, собранность характера, отмобилизованные до предела физические и моральные возможности человека.

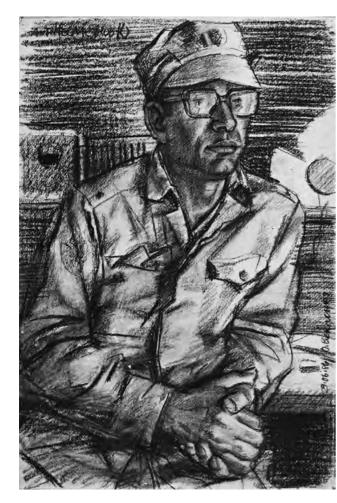
Олегу Векленко удалось точно выразить характеры. Художник и сам не раз работал на станции, занимался тем же нелёгким и опасным трудом, что и его герои. Он рассказал правду о Чернобыле. Горькую, суровую правду... Все они, бойцы Чернобыля, безукоризненно выполнив свой долг, вернулись к привычной мирной жизни. И если память о них останется не только на портретах и фотографиях, но и в сердце каждого из нас, это будет самой высокой оценкой их работы».

95

Роман Гнатышин. Июнь 1986

«Ненаглядная» агитация

Рисование портретов, интервью нарасхват, публикации - это действительно заряжало, но по большей части оставалось в качестве хобби и было лишь малой частью моей ежедневной работы. От поездок в зону и на АЭС, ежедневного показа кинофильмов, подготовки «Боевых листков» и прочей «культурно-массово-хозяйственно-идеологической» работы никто не освобождал. Но особенно мне досаждала наглядная агитация. О ней в политотделе вспомнили, как только напряжение спало и в лагерь зачастили высокие чины, гости из военных и партийных органов Киева и Москвы.

Вместе с водителем и киномехаником мне приходилось изворачиваться, доставать, где только можно (выменивать, воровать), ДВП, доски, краску, сколачивать щиты, красить, выискивать, придумывать и писать лозунги.

С текстами сильно не заморачивался. Как правило, в этом качестве ни у кого вопросов не вызывали заголовки передовиц из центральных газет. Готовые щиты устанавливались вдоль парадной дорожки, засыпанной мелким гравием, и были призваны напоминать простым смертным о бессмертных истинах и заботе партии.

Настоящий аврал случился в начале июня, когда нашей 25-й бригаде за героическую работу вручали «переходящее красное знамя». По лагерю озабоченно забегали замполиты батальонов. вдоль парадной дорожки соорудили трибуну, обтянули ее красной материей. Заблаговременно вытащили из палаток и выстроили всех, кто оставался в лагере. Из Киева прибыл военный оркестр. Пытались даже тренироваться пройти по дорожке торжественным маршем, но поднялась такая пыль, что это занятие быстро отставили. Вместо положенного отдыха народ переминался с ноги на ногу несколько часов в ожидании приезда генералов.

Весь этот ажиотаж как-то сразу вернул меня в 74-й год и заставил вспомнить службу в советской армии с бесконечным подметанием плаца, показушной покраской бордюров, деревьев, травы, и в который раз подтвердил неубиенность тупых армейских порядков.

Построение бригады по случаю приезда киевских генералов для вручения знамени. В такие дни лучше было уезжать с рабочей сменой на станцию.

Чернобыльские киноманы

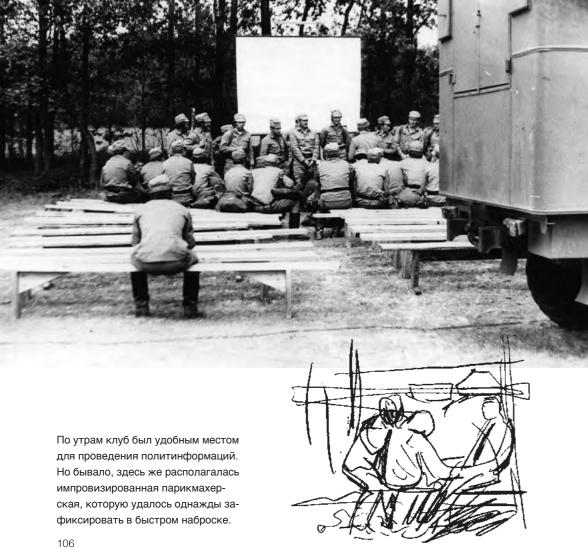
Развлечений в Чернобыле было немного. Среди них, конечно же, не могу не вспомнить о кино. Все, кто первой волной попал в 25-ю бригаду химзащиты в мае-июне 86-го, наверное, вспомнят походный клуб – передвижную кинобудку (кунг), экран, натянутый между деревьями на краю поляны, где располагался наш палаточный лагерь и, как только стемнеет, – кино.

У меня сохранился маленький карандашный набросок, где на просмотре какого-то фильма народ сидя, стоя, лёжа занимал всё окружающее экран пространство. На рисунке не покажешь всего, но даже с обратной стороны экрана — на болоте, из высокой травы, всегда торчали головы заядлых чернобыльских киноманов. Кто-то гро-

моздился на кабине, кто-то лез прямо на крышу клубной машины, которая, естественно, начинала раскачиваться во все стороны. Изображение прыгало по экрану, пленка обрывалась, вызывая недовольный гул зрителей, дикий свист и нецензурные выкрики в адрес моего бедного киномеханика. Мне тоже доставалось прилично, и никакие приказы, просьбы, уговоры слезть с крыши фургона не действовали.

К фильму добавлялось еще одно зрелище: наиболее ловкие зрители влезали на ветки деревьев и, бывало, в самые напряжённые моменты фильма некоторые из них срывались, с треском обрушиваясь на землю. На минуту чернобыльские зрители отрывались от любовных приключений индийских мелодрам и над толпой прокатывался одобрительно-радостный гул.

Для меня эти вечерние сеансы были серьезным испытанием, экзаменом на профпригодность в должности начальника клуба.

Артисты в Чернобыле

Вообще-то приглашение артистов для выступлений перед личным составом бригады было в моем ведении, но както так получалось, что они приезжали сами, без моего активного вмешательства. Не часто, всего раза 3-4. Впервые это было 9 мая. В этот день у нас неожиданно появились артисты Уральского народного хора (вероятно, они были на гастролях в Киеве и, боюсь, не очень представляли, куда едут). Я хорошо помню, как девушки в концертных туфельках и пышных народных костюмах пытались петь и плавно кружиться в танце по затоптанной солдатскими сапогами поляне.

Они переодевались тут же, за редкими майскими кустиками, под внимательными взглядами сотен мужиков,

и тщательно вытряхивали пыль из туфелек и юбок. Тогда мне было как-то удивительно: что они трясут, ведь не на станции. Мы живем тут, дышим... тряси, не тряси – все равно.

Несколько раз приезжали местные девушки из Иванкова в сопровождении аккордеониста. Трогательно пели в микрофон, привязанный к палке, воткнутой прямо в землю посреди поляны. Все, кто был в лагере, кто только приехал со станции и не успел переодеться, примчались на концерт. Возможно, это была самая благодарная в их сценической жизни публика.

Я фотографировал выступавших, а затем неожиданно повернулся в «зрительный зал» и «щелкнул» внимательные лица парней. Этот эпизод через много лет имел свое неожиданное продолжение. На одной из выставок моих чернобыльских фотографий мой хороший приятель попросил подарить ему тот самый снимок. Оказалось, его жена в одном из зрителей, среди здоровых и крепких мужиков, узнала своего брата. После возвращения оттуда он заболел и вскоре его не стало...

25 рентген

В ежедневных заботах время летело стремительно и незаметно. Только месяц прошел, а события первых дней казались такими далекими и почти нереальными. Уже во второй половине мая в лагере можно было встретить праздношатающихся, неприкаянных солдат. Это те, кто набрал свои 25 рентген. На станцию их не пускали, и они в ожидании замены по несколько дней, а то и неделю тоскливо бродили между палаток, отсиживались на полянке в тени деревьев.

Один такой забрел ко мне в клуб, устроился на лавочке, положив рядом туго набитый солдатский вещмешок. Спрашиваю: «Что это ты таскаешь с собой?» «Да, – говорит, – жду "попутку" в Киев, отстрелялся. А это парашют на

вертолетной площадке прихватил». – «Так он же зараженный!» – удивился я. «Ну и что, померял, он совсем немного светит, – отвечает, – отстираю, а жена сумки пошьет».

Что там парашют... когда сменялись прапорщики, огромный кунг набили каким-то ценным хламом. Одежда, мебель, детали машин, двигатели, снятые с оставленных в зоне автомобилей — чего там только не было. Я поинтересовался, как они посты проезжать будут. «А мы полями, партизанскими тропами проскочим», — отвечают, смеясь.

Где-то к середине июня почти все, кто пришел со мной в мае, сменились. По армейским канонам я постепенно перешел в разряд «прожженных стариков». Однажды подошел мой командир, «начпо», Анатолий Иванович. Тепло, по-отечески, попрощался, посоветовал: «Добирай свои рентгены и уматывай отсюда, тебе же немного осталось».

Да, в учетной карточке у меня их, драгоценных, уже было больше 20, до «выпускной нормы» оставалось совсем немного – две-три поездки на станцию. В потоке рабочих будней я выпустил из виду этот момент, надо было гораздо

раньше «набрать дозу», ведь на мою должность надо искать конкретного человека, а это не так просто.

Мне вдруг стало как-то одиноко и скучно. Все знаешь, все прошел, знакомых вокруг все меньше, на страхи новичков смотришь с усмешкой и наперед можешь все предугадать. Новые командиры обращаются уважительно и даже с некоторой опаской. Не приказывают, просят что-то сделать почти по-дружески.

В конце июня из штаба округа пришел приказ откомандировать меня в Киев, в Окружной дом офицеров. На замену так никого и не прислали. Назначили принять имущество молодого лейтенантика, только что закончившего Львовское высшее военно-политическое училище. Передача нехитрого скарба клуба – лавочки, киноаппарат, экран, приемник и т.п., затянулась на целый день.

И вот, наконец, 3 июля я простился с лагерем. Собрал свой вещмешок с гражданской одеждой, которая еще

с апреля путешествовала со мной в мобильном клубе, и в чем был на попутной машине уехал в Киев. Всю дорогу шел дождь. Это был первый дождь в Чернобыле с момента катастрофы.

В порту на реке Припять. Анатолий Иванович Бельченко — мой командир. Вдали на горизонте город энергетиков. Изумительный полесский пейзаж. Тишина. На берегу у воды радиоактивные пятна до 40 рентген /час.

Домой

После двух месяцев в Чернобыле еще почти месяц пробыл в Киеве. Начальник Окружного дома офицеров, куда я был откомандирован, просто и понятно сказал: «Сделаешь мне выставку портретов – и можешь ехать домой. Рамки, стекла, где хочешь доставай, здесь ничего такого нет». Другой, может, и растерялся бы, но я привык к армейским порядкам, козырнул и ушел выполнять поставленную задачу.

Сначала в Союз художников. Там все меня знали – часто приходилось приезжать сюда как ответственному секретарю Харьковской организации на разные пленумы и выставкомы. Встретили, как родного. Быстро решили вопрос с оформлением рисунков, только одно условие: сначала выставка

должна состояться в Доме художника. Договориться с военными об отсрочке – не проблема.

В Киев приехала жена, что-то привезла из одежды. В «гражданке» чувствовал себя стесненно – отвык. Выставка на первом этаже Дома художника открылась через несколько дней в теплой, почти семейной атмосфере. А в Доме офицеров все произошло гораздо позже, в августе. Мне удалось отпроситься и уехать домой с условием вернуться на вернисаж.

Все в той же военной форме, в которой приехал из лагеря в Киев, возвращался в конце июля домой, в Харьков. По пути заехал в Лубны к родителям. Радость встречи, объятия, знакомые с детства запахи, атмосфера любви и заботы. После всего пережитого эти ощущения особенно остры, не передать словами.

Сбросил свой, слегка выгоревший, но ладный и ставший таким привычным за короткое время «чернобыльский костюмчик». Пока мылся в добротно сколоченном дощатом душе во дворе, отец куда-то отлучился. Я не обратил внимания, а он, как выяснилось позже, взял мою военную форму, вышел на

дорогу за туалетом, развел небольшой костер и сжег все, включая сапоги и так нравившийся мне головной убор, почему-то прозванный чернобыльцами «пидаркой».

И я тут, такой геройский, смелый, очаянный, налетел на него коршуном – как же, уничтожил мое самое ценное свидетельство участника Чернобыльских событий. Но отец посмотрел на меня с какой-то даже жалостью и остудил враз: «Сынок, лучше бы я вместо тебя туда поехал». До сих пор помню этот взгляд.

Из Чернобыля люди возвращались домой по-разному. Для сравнения привожу еще одну цитату из книги Александра Купного «Живы, пока нас помнят».

Голубев Игорь Евгеньевич, научный сотрудник Курчатовского института: «Уезжая домой, я взял с собой три комплекта чистой одежды; один белый, два черных, ватник, сапоги, шапку. Первый поменял при выезде из 30-километровой зоны. Второй – на автобусной станции в Киеве и в третьем поехал уже в Москву.

Некоторые наши сотрудники делали ещё круче. Они в институте перед отъездом в Чернобыль оставляли комплект чистой, домашней одежды, а когда возвращались, то сначала заезжали в институт, переодевались, после чего ехали домой».

«вМесто подвига - Чернобыль»

Я не задумывался, как назвать постоянно пополнявшуюся выставку портретов на входе в наш чернобыльский лагерь. Банальное название «Доска почета» как-то не подходило. Когда набрался с десяток рисунков, кто-то в политотделе предложил газетный лозунг: «Время рождает героев». Так она и называлась на своем обычном месте и потом, в разных «точках» по зоне, куда таскали эту, сбитую из реек и досок, самодельную выставочную конструкцию. А вот в Киеве, где выставка впервые открывалась в Доме художника, название поменяли. Теперь с указанием места действия: «Место подвига - Чернобыль».

В октябре экспозиция переместилась в Харьков и была дополнена докумен-

тальными фотографиями Юрия Ворошилова и скульптурными портретами Сергея Ястребова, также прошедшего Чернобыль. В этот раз название абсолютно точно отвечало содержанию и героическому настрою «укротителей разбушевавшегося атома». Экспозиция открылась в выставочном зале художественного музея при невиданном для Харькова скоплении народа.

Многие из тех, кто был изображен на портретах и фотографиях, их родственники, друзья также пришли на выставку и, может быть, по-другому посмотрели на себя, почувствовали свою сопричастность к грандиозному событию, к истории, которую они же и творили.

С радостью встретил вновь моих чернобыльских натурщиков, но к тому времени былой оптимизм и пафос был утрачен безвозвратно. Пришел на вернисаж с больничной койки — второй месяц лежал в палате, вместе с такими же, как и я, неожиданно потерявшими былой задор бойцами. Теперь, в Институте медицинской радиологии, мы на себе испытывали обратную сторону «чернобыльского героизма».

Здесь былые герои потихоньку пере-

двигались, держась за стенки больничных коридоров, по утрам бережно носили баночки с мочой и спичечные коробки с калом на анализы, надолго устраивались в кроватях под капельницы, терпели уколы и горстями ели таблетки.

Врачи внимательно слушали, успокаивали, но, по-моему, не очень доверяли странным жалобам внезапно нахлынувших пациентов. Все наши данные держались в строгом секрете. Под конец лечения несколько раз вкололи какой-то экспериментальный заграничный препарат (то ли шведский, то ли датский, не помню). Мы называли его «озверином». Особого озверения не почувствовали, но, выйдя отсюда, начинали понимать, что Чернобыль это надолго (если не навсегда). В этот момент важно было не сдаться. Скорее всего, каждому из нас вместе с медицинской очень необходима была и психологическая помощь.

Я нашел в себе силы выйти из стресса, сублимировать свои переживания в русло творчества. Из задуманного, в графике ничего сделать не смог – слишком сильные ощущения и чересчур яркие образы мешали уйти

от конкретики к обобщениям. Зато Чернобыль стал своеобразным жизненным камертоном правды, точкой отсчета и послужил импульсом к изменению моего мировоззрения, к повороту сознания в сторону экологии.

Конечно, это произошло не сразу. Я упорно пытался переосмыслить Чернобыль с помощью плаката, участвовал во всевозможных выставках и конкурсах в Украине и за рубежом. В 1991 году, к пятой годовщине Чернобыля, вместе с моими чернобыльскими друзьями, коллегами и студентами мы организовали в Харькове I Международную выставку экологического плаката «4-й Блок». Никак не ожидали, что свои работы нам пришлют выдающиеся дизайнеры

современности более чем из 50 стран мира. Искусство, дизайн и экология... Основание, заложенное в 1991, получило продолжение в 1994 году. А затем каждые 3 года традиционно создавалась новая выставка, присылались новые работы...

Это было увлекательно, интересно, но очень трудно, иногда просто немыслимо тяжело. Но каждый раз я вспоминал Чернобыль и говорил себе: Я СМОГУ. Возможно, лично для меня это и была своего рода психологическая реабилитация, с помощью которой я освобождался от Чернобыля. Не знаю... Но «4-й Блок» – отдельная песня, когда-нибудь соберусь с силами и расскажу об этом.

P.S. Однажды мой студент, Паша Рыженко, вызвался сделать небольшой ролик к выставке. Когда ролик был готов, Паша долго мялся, не решался показывать, а потом, смущаясь, сказал: «Профессор, я тут немного изменил название, только одну букву «В» добавил, получилось: «Вместо подвига - Чернобыль», так Вы не обижайтесь, это так, черный юмор». Я хотел было возмутиться, но тут до меня дошло прав Паша. Устами студента...

После той выставки прошло много лет. но она осталась одним из самых ярких воспоминаний в моей творческой биографии. Сейчас портреты чернобыльцев находятся в постоянной экспозиции Национального музея «Чернобыль» в Киеве.

Хроника постчернобыльских мутаций

В преддверии очередной годовщины Чернобыля меня пригласили на телестудию, и ведущий допытывался, кто же они такие, «чернобыльцы»? «У меня ощущение, – говорил он, – что это крепкие бойцы, когда-то давно бесстрашно кидавшиеся на разрушенный реактор, спасая весь мир, а теперь отчаянно отстаивающие свои права и льготы».

Я сразу не смог ответить, но почему-то в памяти всплыла где-то вычитанная или услышанная фраза Юзефа Булатовича: «Когда война кончается, из укрытий вылезают герои»... Так кто же мы такие, «чернобыльцы-ликвидаторы»?

Сейчас, на приличной временной дистанции от событий 86-го, когда возникло и отшелушилось множество

легенд, смешным и никчемным кажется пафос большинства страшных сказок и героических историй о Чернобыльских событиях. Участники и непосредственные очевидцы катастрофы постепенно заняли свои ниши в этой жизни – кто на лавочке во дворе, кто в больнице, кто на кладбище, некоторые в бизнесе (иногда в весьма сомнительном), а кому-то достались чиновничьи кресла и даже депутатские мандаты.

О чиновниках разговор особый. Было время, когда на всех уровнях властных структур копошилась несметная армия государственных служащих - обладателей заветных «синих корочек», удостоверявших участие в известных событиях. Меня всегда удивляло, как это они все ухитрились поучаствовать в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (как принято было тогда говорить), ведь весной, летом и даже осенью 86-го. когда пребывание в зоне было связано с реальной угрозой жизни и здоровью, а для получения одноразовой денежной компенсации в виде 5-кратной зарплаты по возвращению из зоны (о льготах тогда разговоры не велись) нужно было предоставить еще теплень-

кие, слегка радиоактивные справки, запечатленные треугольными штампами и круглыми печатями воинских частей (если тебя призвали через военкомат, о других не скажу, просто не знаю), среди номенклатурной братии царила растерянность и выжидание. Ехать в «радиоактивное пекло» никому не хотелось.

Но вот «Объект "Укрытие"» возвели героическими ударными темпами. Торжественно водрузили красное знамя на полосатой трубе, доложились партии и правительству, а дальше борьба с радиацией в зоне превратилась в будничную работу. Льготы для побывавших «там» в родных пенатах начали обретать конкретику в виде бесплатных путевок в санатории, банок красной икры, дефицитной кафельной плитки и чешских унитазов «без очереди». Вот теперь все, кому не лень, с надобностью и без нее рвутся в «зону». Чаще - засвидетельствовать свое пребывание где-нибудь, по возможности в более-менее спокойном местечке. и быстро убраться восвояси. Всё. «корочки» обеспечены. Остальное тоже.

А время идет, скудеют пайки, рядовым ликвидаторам остается еще,

пожалуй, бесплатный проезд в городском транспорте, путевка в санаторий и какие-то там мелочи. Только инвалидам Чернобыля что-то более существенное из прошлых благ продолжает перепадать. И тут вся чиновничья рать мгновенно обретает тяжелые заболевания, связанные с пребыванием в «зоне» и, конечно же, инвалидность.

Доходило до смешного — однажды в прессе проскочила заметка (абсолютно далекая от иронии) о том, что некоторые люди на самых высоких постах в государстве, оказывается, инвалиды-чернобыльцы. Потом, когда случайно узнал, что и на областном уровне многие хозяева больших кабинетов тоже чернобыльские инвалиды — стало грустно и противно.

Сколько же их, больших и мелких чиновников, невозмутимо, без малейшего зазрения совести загребали то, что должен был бы получить простой работяга, честно отработав и получив «положенную дозу» на станции. С тех пор «неясные сомнения», возникающие при виде любых «иконостасов» из медалей и значков на пиджаках (в том числе и ветеранских), не покидают меня.

Только сейчас реально осознаешь риск и в какой-то мере обреченность тех, кто находился весной 86-го в 30-километровой зоне. Вспоминаю, как жарким майским днем, свалившись от усталости прямо на траву (обычно в зоне ложиться на землю и даже сидеть на ней — остерегались) в тени «кунга» (передвижного клуба бригады), сквозь дрему прислушивался к тихо работавшему в машине приемнику, где (наконец!) начали давать простые и действенные советы киевлянам: без особой нужды не выходить на улицу, держать форточки в квартире закры-

тыми, чаще делать влажную уборку и тщательно мыть голову. Я вдруг подумал, сокрушаясь, — ну что им, столичным жителям, в 90 км от реактора при постоянном наличии горячей и холодной воды о чем-то там беспокоиться... здесь вот второй день воду в лагерь не подвозят... надо бы «попуткой» на станцию съездить помыться, белье поменять...

Для тех, кто был мае-июне 86-го в 25-й бригаде химзащиты такая мысль вовсе не покажется странной. И в том, что уже через 20 минут мы с майором Колесником мчались на попутном «уазике» прямо к «главному источнику радиоактивного загрязнения» отмываться от «радиации», не было никакого парадокса. Но даже на самой станции, среди тех, кто находился на смене, на дежурстве или по какому-нибудь другому поводу, была своя еще более необычная шкала отношений.

Однажды знакомый капитан из нашей части, назначенный на дежурство в штабе на ЧАЭС, в разговоре со мной возмущался по поводу какого-то офицера-инспектора из Москвы: «Ты представляешь, — говорил он запальчиво, — этот гад на "поверхность" не

выходит! Либо в "бункере" сидит, либо в душе часами моется, чистюля х…ев!».

В жизни все относительно. Подозреваю, что московский офицер за свои «подвиги и участие в ликвидации аварии на ЧАЭС» получил медаль (а может быть, орден) и повышение по службе.

Мой чернобыльский натурщик, молоденький паренек — водитель, почти каждый день в начале мая безропотно выполнявший «боевые» задачи (возил на БРДМ к стенке реактора, в самые опасные места команды ученых «пощупать радиацию живьем»), через три года, брошенный всеми, спился, замерз в снегу.

Сосед, лет на 10 моложе меня – инвалид-ликвидатор. Попал в Чернобыль почти через полгода после аварии. Что он там делал, не знаю. Но, как сам рассказывал, возле «саркофага» побывал однажды, ради интереса – посмотреть... Инвалидность «получал» долго, на вид ничего – бодренький. Регулярно имеет свою пенсию и что-то там «на лекарства». Гонит и с удовольствием употребляет самогон, занимается дачей. Раз в год «ложится» в больницу – «подлечить требуху». В митингах протеста и чернобыльских пикетах участия не принимает.

Разные люди, разные судьбы. И все вроде бы герои-чернобыльцы. Ну а если в двух словах, без пламенных речей и глянца почетных грамот — большинство из тех, кто был со мной в первые месяцы, — настоящие мужики, без оглядки, честно выполнявшие свой долг, серьезную мужскую работу. Достаточно тяжелую и опасную.

Для меня точной, ёмкой метафорой этих событий и людей, участвоваших в них, остаются слова моего друга, писателя Сергея Мирного (тоже, кстати, чернобыльца): «Простые люди, простыми лопатами, просто копали землю...»

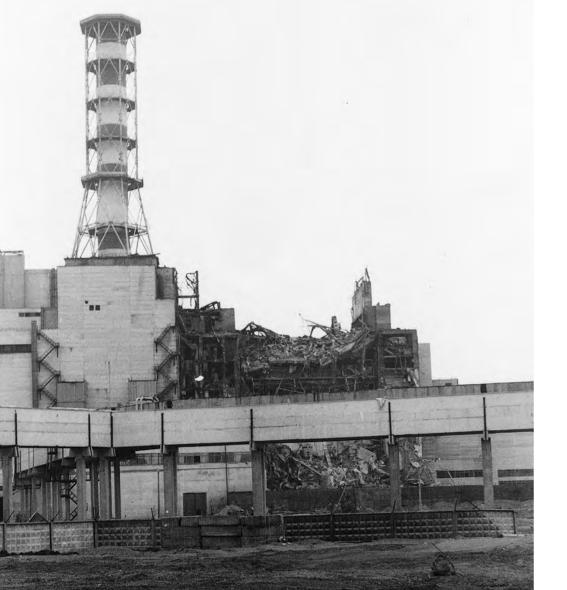
Первое время, когда смывали радиоактивную пыль и грязь с автомобилей, вся вода уходила в землю и, естественно, рано или поздно просачивалась в реку Припять, затем в Днепр. Так водными потоками радиация разносилась по всей Украине. Позже догадались рыть ямы, и укрывать их полиэтиленом. По мере наполнения воду из ям выкачивали и увозили. Но опять же, ее куда-то надо было сливать и хранить....

Фото на память. Естественное желание запечатлеть себя на фоне какого-нибудь памятного места в Чернобыле, где кроме разрушенного 4-го блока ничего примечательного не было, превращалось в опасную авантюру.

Послесловие через 30 лет

Говорят, что преступника всегда тянет на место преступления. Так и мне все время хотелось вернуться в Чернобыль. Конечно, я туда не рвался, но желание увидеть места, где столько пережито, не покидало меня еще много лет. Было живое ощущение, будто пророс в эту убитую радиоактивную землю, несмотря на опасность и весь багаж негативных эмоций, полученных там.

Прошло почти 20 лет. В 2004-м каким-то образом узнал о дизайнерском антиядерном проекте и отыскал нас в интернете Александр Купный (в то время работник ЧАЭС). На свой страх и риск он пригласил нас в Славутич сделать выставку экологических плакатов из коллекции триеннале «4-й Блок». Мы поехали с Аней Шишковой, которая в то время была менеджером выставки и, естественно, попросились на ЧАЭС и в зону.

Я ходил по знакомым-незнакомым местам, пытался восстановить свои прежние ощущения, но на ум приходили только воспоминания о них. «Убитая» земля, почувствовав свободу, мощно и весело поглощала разрушающийся город, превращая в артефакты и инсталляции все брошенное здесь сбежавшей человеческой цивилизацией.

Потом еще несколько раз пришлось побывать в зоне отчуждения вместе с Сергеем Мирным, побродить по заросшим кустарником и молодыми березками местам, где когда-то располагался наш лагерь... Волнение от встречи с прошлым ушло, зато все чаще стал задаваться вопросами: «А не напрасны ли были все наши героические потуги по спасению Европы и мира? Сколько людей, выполнявших бесполезную работу, было облучено, какие гигантские средства потрачены и тратятся до сих пор, какие усилия вложены в то, что природа, как мне показалось, могла бы по прошествии времени сделать сама гораздо эффективнее и быстрее, залечивая открытые радиоактивные раны, нанесенные ей «человеком неразумным». Может быть, надо было оставить все профессионалам, закрыть зону и не соваться сюда хотя бы лет 100...

«4-й Блок» как раз об этом — о человеческой самонадеянности и гордыне, о глупости и продолжающейся безумной борьбе с природой за эфемерные блага цивилизации. Может, поэтому уже 25 лет этот проект не отпускает меня...

Триеннале эко-плаката «4-й Блок», основанная в Харькове к 5-й годовщине Чернобыльской трагедии, каждые три года представляет лучшие мировые достижения в области антиядерного, экологического и социального плаката. Задуманная как знак памяти, выставка устремлена в будущее, нацелена на молодое поколение и призвана пробуждать новое

экологическое мышление.

Літературно-художнє видання

Векленко Олег Анатолійович

Чорнобиль: етюди з натури

Російською мовою

Редактор: *М.А.Курушина* Текст, ілюстрації: *О.А.Векленко* Дизайн: *О.А.Векленко*

Підписано до друку 23.03.2017 р. Формат 60х84/8. Папір офсетний. Друк цифровий. Гарнітура Helvetica. Ум. друк. арк. 16,28. Наклад 500 прим. Зам. № 0673

Видавництво «Точка» 61024, м. Харків, вул. Максиміліанівська,11, оф. 4 Тел.: (057) 764-03-79 Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: серія ДК, №1790 від 19.05.2004 р.

Віддруковано в ТОВ «ДРУКАРНЯ МАДРИД»
61024, м. Харків, вул. Максиміліанівська, 11,тел.: (057) 756-53-25
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
Серія ДК, № 4399 от 27.08.2012 р.
www.madrid.in.ua
e-mail: info@madrid.in.ua

Короткие рассказы-воспоминания Олега Векленко не претендуют на всеобъемлющую картину Чернобыльской трагедии. Это
всего лишь маленький фрагмент, ее отражение в сознании художника, волею судьбоо
оказавшегося на острие, как тогда говорили, «борьбы с разбушевавшейся стихией
вышелшего из-пол контроля атома».

Ироничный, непосредственный, искренний и очень личный взгляд на происходящие вокруг события в итоге воссоздает точную, правдивую мозаику человеческих отношений в экстремальных условиях, человеческого достоиства и мужества, позволивших выстоять в невероятных испытаниях

Иллюстрации к книге – документальные фотографии, снятые автором в 1986 году, что называется, «на ходу», а также рисунки, выполненные непосредственно в зоне работ по ликвидации последствий катастрофы. Они являются самостоятельной линией рассказов, существенно дополняющей тему.

Харьков 2017 r. Napokob Ya. Koeteree KB.-15.

pasorbus to and world on some of the state of the surprise of

Angplacen Manuna Kaisea

Kanamura Elsemin